

12+

Андрей Буторин

ФРОЛТАЗЁР

Андрей Буторин

Фролтазёр

«Издательские решения»

Буторин А.

Фролтазёр / А. Буторин — «Издательские решения»,

Соврешь, что умеешь летать, и... улетишь в мир, где ложь питается магией, а правдой управляют короли. В мире четырех королевств бьются между собой не только люди и маги, но и драконы. Тринадцатилетнему Фролу по прозвищу Фролтазёр удастся оттуда вернуться, но затем лишь, чтобы позвать в Оквадрон друзей — нужно спасти новых друзей в этом мире. Вот только Оквадрон пускает к себе не всех, а обратный путь домой для Фрола теперь закрыт.

© Буторин А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фролтазёр

Андрей Буторин

© Андрей Буторин, 2026

ISBN 978-5-0070-1510-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я снова опаздывал. А что делать, если я сова? Не лупоглазая птица, которая днем спит — ночью охотится, а вполне человеческое существо по имени Фрол, чей растущий организм ни в какую не желает просыпаться в семь тридцать утра. В восемь он тоже возмущается, когда его будят, но в восемь — это уже не будильник, а мама, и ее так просто не выключишь, хоть и звонит она по телефону. То есть, казалось бы, нажми «отбой» и спи дальше, но мама такой потом «отбой» устроит, что лучше не усложнять себе жизнь. Между прочим, это ее любимое выражение. «Не усложняй себе жизнь, Ролик!»

Впрочем, когда тебе тринадцать лет, жизнь всё равно усеяна сложностями, как мой нос веснушками. Взять того же дурацкого «Ролика». Сколько раз я просил маму не называть меня так, особенно при друзьях! Куда там... И как, по-вашему, меня теперь величают в школе? Правильно, Шариком. Не все, правда, и не особо часто. Потому что убеждать одноклассников у меня получается лучше, чем маму. Ну так маме же не надаешь оплеух!

Но эта сложность — так, чепуха, по сравнению с той, что свалилась на мою голову сейчас. Вот что я скажу Ольге Дмитриевне? Что я сова? И чем это мне поможет? Даже если я выпучу глаза и заухаю, вряд ли это разжалобит Запятую. Почему «Запятую»? Потому что «Не забываем про запятые!», «Каждая запятая должна стоять на своем месте, а не там, где ваша левая пятка захочет», ну и так далее. Ольга Дмитриевна преподает у нас русский язык и литературу, как вы уже, наверное, догадались.

Нет, про сову я Запятой говорить не стал. Я посмотрел Ольге Дмитриевне прямо в глаза, вздохнул и развел руками:

— Я заблудился.

— Тогда понятно, почему ты опоздал, — вздохнула в ответ Запятая. — Как же трудно тебе было, наверное, отыскать в нашем городе лес.

— Я заблудился не в лесу. Я шел по улице, и вдруг она прямо на моих глазах разделилась на три совершенно одинаковые. Пришлось выбирать. Сначала я выбрал левую, но она завела меня неведомо куда...

— И там ты потерял коня, — сказала Ольга Дмитриевна.

— Какого коня?

— Ну как же! Как там в сказке?.. «Налево пойдешь — коня потеряешь». Садись, сказочник. И дай мне дневник, я былинку твоей маме напишу.

Вот так всегда. Сказочник, фантазёр... Фантазёром меня чаще называет мама. А Сенька Гусев, мой лучший друг, соединил с этим словом мое имя, и получилось «Фролтазёр». Другие ребята это, конечно же, подхватили. Сначала я обиделся на Сеньку, даже хотел немножко поколотить, но потом передумал. Пусть уж лучше Фролтазёр, чем Ролик или Шарик.

А что касается моих фантазий... Что я могу поделаться, если они так и лезут из меня? Фантазировать — это же так интересно! Вот только многие почему-то считают мои фантазии враньем. Но это же не так! Врут, чтобы скрыть правду или получить для себя какую-то выгоду. Ну да, мои фантазии тоже иногда скрывают правду, но чаще-то просто ее украшают. Так что я вовсе не врун, а фантазёр. Фролтазёр.

Между прочим, та же Запятая ценит мои фантазёрские способности. Правда, тоже говорит при этом: «Складно ты врешь, Филимонов». Не знаешь, обижаться на такие слова или гордиться. Но вообще-то Ольга Дмитриевна, когда разбирает наши сочинения, отмечает, что у меня образное мышление и не по годам богатый лексикон. Как-то даже пошутила, что из меня может получиться неплохой писатель-фантаст. А почему бы и нет? Фантастику я люблю. И фантазировать можно будет вволю — никто тебя вруном не обзовет.

Шутить я, кстати, тоже люблю. Однажды на тему «Как я провел лето» я написал такое сочинение: «В июне, июле и августе я каждый день гулял в шапке-ушанке, чтобы лето подумало, будто оно зима». Тогда Запятая впервые поставила мне за сочинение двойку. Нет у Ольги Дмитриевны чувства юмора, но я-то тут при чем?

Вот и сейчас. Былину она маме напишет! Очень смешно. Прямо ухочешься. А мне из-за ее народного творчества придется неделю как минимум без компьютера сидеть. И без прогулок, только школа — дом, дом — школа. Хорошо еще, что книги в мамы санкции не входят. Ничего, переживу как-нибудь. Но уж сегодня-то нужно будет нагуляться как следует напоследок. О чем я после уроков и сказал Сеньке:

— Давай на кратер сгоняем? А то мне долго теперь свежим воздухом не дышать.

Чем мне нравится Сенька — он всегда меня понимает. Ну, кроме моих фантазий; но людей, которым бы они нравились, я пока и не встречал. Не родились еще, наверное, мои будущие читатели и поклонники.

— Да уж, — сказал Сенька, — твоя мама тебя теперь месяц на улицу не выпустит.

— Не, месяц вряд ли. Неделю, я думаю.

— Спорим, месяц? — протянул Сенька ладонь. — На шоколадку.

— О чем спор? — как из-под земли вынырнул Пашка Воробьев.

Такой уж человек этот Пашка — умеет совершенно неожиданно появляться и так же внезапно пропадать. Действительно, будто воробей. А еще у меня закралось подозрение, не пользуется ли Пашка шапкой-невидимкой? Надел — пропал, снял — появился. Только как это проверишь? Шапка же невидимая.

— Спор о том, — сказал Сенька, — что Эфэф...

Да, забыл сказать, что еще одно мое прозвище — «Эфэф», первые буквы от Фрол Филимонов. Ну или от Фрол-фантазёр, все по-разному считают.

Так вот, когда Сенька начал объяснять Пашке суть нашего спора, я его перебил:

— Что я умею летать.

— Тьфу, Фролтазёр, — махнул рукой Пашка. — Я уж думал и правда что-то интересенькое.

Сенька открыл было рот, чтобы меня поправить, но я сделал круглые глаза, и друг понял: я не хочу посвящать Пашку в свои проблемы. Ничего плохого насчет Пашки я сказать не хочу, он мне тоже друг, хоть и не такой закадычный как Сенька, но... В общем, есть у него нехорошая особенность — не умеет Пашка держать язык за зубами. Это, наверное, как у меня с фантазиями: я не могу удержаться, чтобы чего-то не нафантазировать, а Пашка — чтобы не рассказать всем, что узнал новенького и интересенького. В том числе про друзей и знакомых. Даже если его попросить никому об этом не рассказывать. Особенно если попросить. Ведь тогда новость становится секретной, а оттого еще более «интересенькой». Признаюсь, пару раз я Пашку даже поколотил за эту его особенность. Но лупить Пашку всё равно что котенка мучить — только пищит и смотрит полными мольбы о пощаде глазами — сразу начинаешь чувствовать виноватым не его, а себя. В остальном-то он парень нормальный, хоть внешне и похож на третьеклассника — маленький, шуплый... Зато знает всего столько, что не каждому старшекласснику известно. А поскольку, как я уже сказал, новости в Пашке не задерживаются, мы с Сенькой тоже невольно набираемся знаний. Не всегда, правда, полезных, но и впрямь в основном интересных.

— Ну ты даешь, — сказал я. — Умение летать, по-твоему, скука смертная?

— Летать — это не скука, — мотнул головой Пашка. — А вот твои фантазии и правда становятся скучными. Что ты сегодня Запятой наплел? Улица у него на три разделилась! Такой вот неизвестный науке эффект почкования улиц...

— Молчи про Запятую! — показал я Пашке кулак. — И при чем здесь улица? Говорю же тебе: я умею летать.

— На шоколадку?.. — прищурясь, протянул руку Пашка.

— На две! — тут же поправил Сенька и взмахнул руками: — Давай, взлетай.

— Я с места не могу, — сказал я. — Мне для этого нужен хороший разбег. Вот, кстати, мы же собирались идти на кратер, там я со склона просто замечательно разгонюсь!

— На кратер?.. — насторожился Пашка. — Мне как бы... того...

— Мама не разрешает? — усмехнулся Сенька.

— Да, мама, — нахохлился Пашка. — Можно подумать, вас туда родители сами отправляют.

Я представил, какое бы у мамы стало лицо, узнай она, куда мы собрались идти.

— Ладно, Сень, — сказал я, — отстань от него. Не хочет — как хочет.

— Я пойду, — буркнул Пашка. — Только не говорите никому, что я там был.

— Да ты сам же первый всем и разболтаешь! — засмеялся Сенька.

Пашка в ответ на это только тяжело вздохнул.

Пора, наверное, рассказать, что такое кратер. Хотя, о чем это я? Что такое кратер и так все знают. Вон, Луна этими кратерами, опять же, как мой нос веснушками усыпана. Только ведь и на Земле кратеров тоже хватает. Как раз Пашка недавно о них рассказывал. Если ему верить, то на Земле метеоритных кратеров около ста семидесяти пяти штук. Пашка даже назвал несколько самых известных, но я запомнил только Аризонский и еще Волчий Крик. Остальные названия и выговорить-то трудно, не то что запомнить.

Так вот, не знаю, входит ли наш кратер в число этих ста семидесяти пяти или нет, но то что это настоящий метеоритный кратер — факт. Его и ученые приезжали изучать, давно правда, когда я еще не родился. Расположен он в паре километров от города и выглядит как здоровенная воронка в земле, от края до края метров двести точно будет. И довольно глубокий. Сколько метров, не знаю, но трехэтажный дом в нем бы наверняка поместился. Это если считать от поверхности воды. Дело в том, что внутри кратера образовалось озеро. В основном из-за него-то на кратер детей родители и не пускают. О нем рассказывают много всяких страшилок: кто-то нырнул и больше ни живым, ни мертвым не вынырнул; кого-то внезапно появившийся водоворот затянул; кого-то жуткая черная лапа на дно утащила; кто-то без всяких причин под воду ушел... Наверняка большая часть этих рассказов обычные байки, но то, что в кратерном озере пропало много подростков, это правда. Только я не понимаю, кто в здравом уме вообще в эту воду лезет? Во-первых, склоны кратера довольно крутые, а глубина начинается сразу, не как в обычном озере, поэтому выбраться из него наверняка не так-то просто. А во-вторых, вода в кратерном озере очень холодная; то ли потому, что из-за крутых высоких склонов туда редко заглядывает солнце, то ли потому еще, что холодные ключи на дне бьют, то ли из-за того и другого вместе. Так что утонуть в этом озере не мудрено: схватит ноги судорогой от холода, а тут еще не сразу и на берег выкарабкаешься, вот и...

Но это, если не считать черной лапы, в которую я не верю, вполне объяснимые причины дурной славы нашего кратера. Только ходят о нем и такие слухи, что без чертовщины, всяких там злых мистических сил здесь тоже не обошлось. Кто-то даже всерьез верит, что кратер — это вовсе не след от упавшего метеорита, а вход в самую настоящую преисподнюю. Вроде как и стоны оттуда ночами слышатся, и отблески адского пламени видны... А озеро — это будто бы просто маскировка такая, и вылезать из преисподней всякой там нечисти оно вовсе не мешает, как и возвращаться назад с добычей в виде непослушных девочек и мальчиков. Дядями и тетями, а также дедушками и бабушками нечисть, по этим слухам, не интересуется. Наверное, ей с ними скучно.

Только я в эти сказки не верю. Я считаю, что сюда тысячи лет назад упал не метеорит, а инопланетный космический корабль. Ученые его, правда, не нашли, так они и до осколков метеорита не докопались. Они, говорят, вообще очень быстро свернули поиски. С чего бы? Я

думаю, с того, что корабль их к себе не пустил. Когда он потерпел крушение, после которого и образовался кратер, корабль не взорвался при падении, а просто глубоко ушел под землю. Конечно, он сильно пострадал, но это был умный корабль, который обладал способностью чинить себя сам. Возможно, уцелел и кто-то из экипажа, но всё-таки, думаю, вряд ли; а если кто и уцелел, то за тысячи лет на корабле всё равно никого не осталось. Но корабль лежит где-то глубоко под озером и ждет, когда за ним прилетят. А чтобы его случайно не потревожил никто из чужих, он включает защитное поле. Например, такое, что вызывает у незваных гостей страх, желание скорее и дальше убраться из кратера. Потому, я считаю, и ученые так быстро отсюда уехали. А еще... Странность кратера еще и в том, что ладно летом, но и зимой он внимание взрослых не привлекает. А ведь с его склонов на лыжах съезжать — одно удовольствие! И безопасно; покрытое снегом застывшее озеро абсолютно ровное — ни во что не врежешься, никуда не провалишься. Однако кататься на кратер приходят одни лишь подростки — кто на лыжах, кто на санках, кто просто на картонках и фанерках. Может, конечно, взрослым и неинтересно здесь, потому что нет для них на безопасных склонах особого драйва, но лично я в этом сомневаюсь; среди взрослых тоже много таких, кто не любит рисковать, а с горки прокатиться любит. Не идут же они сюда потому, что защитное поле корабля настроено как раз на взрослых — дети ему, видимо, опасными не кажутся. И он, в общем-то, прав.

Плохо то, что взрослые не только не ходят на кратер сами, но не пускают к нему и детей. Не только летом, что вполне понятно, но и зимой, когда кратер, как я уже говорил, совершенно не опасен и просто идеален для развлечений. Однако подростки всё равно туда ходят. Тайком, рискуя быть наказанными, но ходят. Потому что зимой на кратере очень здорово.

А сейчас как раз и была зима. Поэтому мы и пошли на кратер. И мне предстояло там проиграть две шоколадки. С фантазиями в этот день мне определенно не везло.

Я заблуждался насчет двух шоколадок. Мы еще не вышли за окраину города, как услышали сзади:

— Эй, «бэшки»! А ну стоять!

Не узнать этот голос было трудно, можно было даже не оборачиваться. Но мы не просто обернулись, а развернулись, одновременно и четко, как солдаты по команде «Кру-гом!». Да и вытянулись почти по стойке «смирно», разве что у Пашки заметно дрожали колени, а это вряд ли позволительно для настоящих солдат.

Перед нами, презрительно шурясь, конечно же, стояла она — Юлька Словина из «А» класса. Кто бы еще мог так запросто командовать пацанами? Причем делать это так, что возражать ни у кого даже мысли не возникало. Нет, поначалу, когда Юлька в начале шестого класса пришла в нашу школу, переехав с родителями откуда-то из дальнего северного гарнизона (папа у Юльки был летчиком), некоторые возражать попытались. Но об этих попытках сами же «бунтовщики» постарались как можно скорее забыть.

Мало того, Юлька командовала не только ровесниками и младшими ребятами (не делая различия между мальчишками и девчонками), но и всеми учениками нашей школы вообще. И ее слушались даже самые суровые одиннадцатиклассники. Не трогала Юлька почему-то только десятый «А». Это было непонятно и странно — в этом классе у нее не было ни друзей, ни родственников. Ходили, правда, слухи, что она в кого-то из десятого «А» втюрилась, но, во-первых, представить, чтобы Юлька — и вдруг такое, было попросту невозможно, а во-вторых, не весь же класс сразу она внезапно полюбила! Напрямую спросить об этом у Юльки дураков не находилось, так что тайна продолжала существовать до сих пор.

В школе Юлька прозвали Юлой — за стремительность и устойчивость ко всему на свете. Что удивительно, позывной Юльке понравился. Правда, она какое-то время усиленно втемяшивала в наши головы, что это именно позывной, а не какое-нибудь унылое прозвище.

И еще одна особенность имела у Юлы. Она была умной. Насчет знаний тот же Пашка, скорее всего, Юльку бы запросто переплюнул, но вот ум... Я такой встречал еще только у одного человека, да и то у ненастоящего — у Шерлока Холмса. Кстати, Юла на него и внешне была немного похожа — худая, высокая, с цепким взглядом и острым носом. Разве что трубку не курила. Во всяком случае, при нас. И со скрипкой ее никто не видел. Хотя, кто знает, может дома она на ней будь здоров как наяривала! Дома у Юлы никто из нас не был. Но лично мне очень хотелось глянуть на ее логово. Уверен, там было бы чему поудивляться.

Сейчас же я удивлялся, откуда здесь взялась Юлька (следила, что ли, за нами?) и зачем мы ей вообще понадобились. Пакостями вроде сшибания денег Юла никогда не грешила — наоборот, плохо приходилось тому, кого она заставляла за чем-то подобным. Несмотря на свою безмерную крутизну, Юлька была ярим борцом за правду и справедливость. Видимо поэтому — из-за моего пристрастия к фантазированию — она меня откровенно недолюбливала.

Вот и сейчас она подошла именно ко мне, скривила тонкие губы и заявила, глядя мне прямо в глаза:

— Наплел им, что сможешь перепрыгнуть кратер? На что спорили, на шоколад? Я в доле. Мне — горький, семьдесят пять процентов какао.

Я бросил взгляд на друзей. У обоих были круглые и большие, как пятирублевые монеты, глаза и разинутые рты. Можно было не сомневаться, что утечка информации прошла не от них. Да и когда бы они успели? Я поймал себя на том, что рот у меня тоже открыт, и быстро его захлопнул. Но тут же раскрыл снова, чтобы сказать:

— Не перепрыгнуть. Я просто сказал, что умею летать. Но для этого мне нужно хорошо разогнаться. Вот и...

— С тобой всё понятно. Ты разгонишься, прыгнешь, пролетишь метра два по инерции, шлепнешься в снег, а потом встанешь и скажешь: «Кто будет спорить, что я не летал? О расстоянии речи не было. Гоните шоколад!» Так не пойдет. Ты должен будешь разогнаться, прыгнуть и долететь до противоположного края кратера. Лишь в этом случае ты выиграешь спор. — Юлька перевела взгляд на Сеньку с Пашкой. — Это ведь справедливо?

Эти двое предателей усердно закивали. Гадство! Юла обломала мой план на корню, ведь именно так, как она рассказала, я и собирался поступить. А что теперь? Кратер мне, конечно не перелететь, даже если я начну прямо сейчас разгоняться. Но не сдаваться же вот так, сразу. Да еще перед Юлькой. Если уж и проигрывать, то в бою. Но меня съедало любопытство, как же эта «Шерлокиня» разгадала все наши намерения? Подслушала, а потом кралась сзади? На Юлу это совсем непохоже. Да и у нас на троих аж целых шесть глаз — всяко бы заметили лишние уши; мы же не орали на всю школу, тихо разговаривали.

В общем, я не вытерпел и спросил:

— Как ты узнала, куда и зачем мы идем? Подслушала?

— Рискуешь, парень, — погладила Юлька кулак.

— Тогда как?

— Ладно, — смилостивилась Юла. — В счет будущей шоколадки. Хотя всё настолько примитивно, что даже объяснять неинтересно. Только давайте, потопали, что время терять? Я на ходу расскажу.

Мы снова двинулись в путь, и Юлька начала свои объяснения, говоря о нас, будто о посторонних, называя при этом полными именами. Впрочем, она всех и всегда называла только полными именами. Ну или прозвищами... в смысле, позывными, у кого они были. Никаких Сенек, Пашек и уж тем более Роликов, к моей большой радости.

— Я узнала от девчонок из вашего класса, что Фрол отмочил сегодня очередной номер, и Запятая вызвала в школу его маму. Помня о том, что прошлой весной за подобный проступок Фрол был наказан «домашним арестом», я логично предположила, что так будет и в этот раз.

И что Фрол, само собой, тоже об этом знает. Поэтому с большой вероятностью он захочет как следует напоследок нагуляться. Где больше всего любят отрываться мальчишки вашего возраста? На кратере. Сегодня Фролу идти туда было тем более логично: даже если об этом узнает его мама, то провинностью больше, провинностью меньше — наказание так и так состоится. Дальше я предположила, что Фролу не захочется идти одному и он позовет с собой Семена. На этом мой интерес пропал, и я собиралась пойти домой. Но когда я увидела Семена и Фрола, выходящими из школы с Павлом, снова заинтересовалась. Дело в том, что я очень люблю горький шоколад, и всё шло к тому, что вскоре я его смогу получить. В общем-то, мне всё рассказали лица Семена и Фрола. Фрол выглядел озабоченным, а Семен так и светился предвкушением. Нетрудно было понять, что Фрол снова что-то наплел, но сделал это так неосторожно, что Семен его подловил. Теперь Фрол усиленно соображал, как из этой ситуации выйти без потерь, а Семен был уверен, что у Фрола ничего из этого не выйдет. Такой ситуацией логичней всего выглядел спор. Фрол что-то сморозил, Семен поймал его «на слабо», а поскольку, как я уже говорила, идти они собирались на кратер, то я сделал вывод, что Фрол пообещал его перепрыгнуть. А что еще? Не снегом же засыпать, с конце-то концов?

— Я сказал, что умею летать, — буркнул я. — С разгону.

— Этот вопрос мы уже прояснили, — отмахнулась Юлька. — Слушайте дальше... Собственно, а что дальше? Павел только подтвердил мои выводы как насчет кратера, так и насчет спора.

— Ничего я тебе не подтверждал! — возмутился Пашка и завертел головой, заглядывая в глаза мне и Сеньке. — Правда, ребята, я с ней не разговаривал, вы же видели!

— Ты подтвердил это своей физиономией, — успокоила его Юла, — выглядел таким убитым, что на тебя было жалко смотреть. А это значит, ты шел туда, куда идти совсем не хотел, то есть на кратер — я знаю, как ты боишься родителей. Но ты всё-таки шел, никто тебя не тащил туда силой, — значит, тебя тоже манила очевидная выгода. Беспроигрышный спор — ведь ты прекрасно знаешь, что летать человек не умеет. Желание получить шоколадку почему-то оказалось для тебя сильнее, чем страх перед родителями.

— И ничего не страх, — вмиг покраснел Пашка, — и ничего не желание!.. Мне интересенько стало, как Эфэф будет выкручиваться.

— Может быть, — не стала спорить Юлька. — Но и шоколадка сыграла не последнюю роль, это уж точно. Я ведь тоже на нее повелась.

Девчонка облизнулась, а я выпалил последний вопрос:

— Но как ты догадалась о шоколадке?! Тут-то не может быть никакой логики!

— Еще как может. На что вы еще могли спорить? На щелбаны?.. Вы слишком взрослые для такой ерунды. На шампанское?.. Вы слишком маленькие для этого. Остается самое очевидное — шоколадка.

— Сама ты маленькая, — проворчал я, мысленно восхищаясь этой гениальной девчонкой.

Глава 2

Я стоял у склона кратера и думал, что же мне теперь делать. Сенька, Пашка и Юлька смотрели на меня, словно кошки на загнанную в угол мышь, только что не облизывались. У меня появилась мысль перевести всё в шутку — захлопать, к примеру, руками, как курица крыльями, закудаhtать, пару раз подпрыгнуть... Шоколадки так и так придется покупать, так зачем лишний раз усложнять себе жизнь (мама, привет!).

Я бы, скорее всего, именно так и поступил, если бы не Юла. Очень уж не хотелось изображать перед ней клоуна. Я будто наяву видел, как девчонка презрительно ухмыляется, разворачивается и уходит. Может еще и бросить напоследок что-нибудь вроде: «Мою шоколадку съешь сам, тебе для мозгов полезно».

Конечно, и делать так, как я придумал с самого начала, теперь, после того как Юлька разгадала мой план, было тоже глупо. Но хотя бы не так стыдно. Во всяком случае, так мне казалось. А еще можно будет и это обратить в шутку, но не такую позорную как в первом случае. После «полета» я встану, сделаю удивленное лицо и скажу Юле: «Слушай, да ты экстрасенс! Как ты догадалась, что я пролечу два метра и шлепнусь в снег?.. А-а! Так это ты мне такие „настройки“ внушила, вот и...» Тоже, в общем-то, глупость, но хоть что-то.

Я прошелся по краю склона, выбирая удобное место. Вскоре я нашел утрамбованный лыжами и санками спуск, помахал «зрителям» и ринулся вниз по его краю. Бежать было классно — успевай лишь переставлять ноги. А когда до конца склона осталась пара метров, я вытянул руки и прыгнул — чуть в сторону, чтобы упасть помягче, в неукатанный снег.

Снежный слой оказался неожиданно глубоким; я воткнулся в него головой и продолжал погружаться несколько долгих секунд. Настолько долгих, что я запаниковал: как же теперь выбираться? Паника помешала задаться более интересным вопросом: откуда здесь может быть столько снега, ведь внизу не бездонная яма, а покрывающий озеро лед. Но вскоре мне стало уже не до подобных вопросов, поскольку я осознал, что погружаюсь уже вовсе не в снег, а в густой, вязкий белый туман. Нет, даже не туман, а, скорее, кисель. Ну да, молочный кисель, только совершенно безвкусный. Понял я это сразу, потому что рот у меня был распахнут для крика. Вот только выдавить из себя хоть какое-то подобие звука мне так и не удалось — похоже, их моментально поглощал этот белый туман-кисель. Впрочем, как и меня самого. Удара как такового я не почувствовал, просто в мозгу словно щелкнули выключателем, и мое сознание тут же погасло.

Очнулся я от того, что по моему лбу стучали. Легонечко так, деликатно. Захотелось даже сказать: «Да-да, войдите!» Вместо этого я приоткрыл один глаз и тут же крепче зажмурился снова. То, что я сумел рассмотреть, реальностью быть никак не могло, поэтому я решил дожидаться, пока сознание вернется ко мне полностью.

Однако тот, кто стучал мне по лбу, с моими выводами был не согласен и заметив, видимо, как я открывал глаз, радостно заверещал тоненьким голосочком:

— Он жив! Кругляк, он жив! Помоги!

Теперь, кроме усилившегося стука по лбу, меня принялись трясти за плечи. И пыhtеть при этом в ухо, что окончательно вывело меня из себя. Или наоборот — окончательно привело в чувство.

Как бы то ни было, я решился снова открыть глаза. А сделав это, невольно застонал, убедившись, что вижу то же, что и в первый раз, только теперь куда больше и четче.

Нет, я не заорал, не стал биться в истерике и звать на помощь маму. Просто ко мне пришла догадка: нырнув в снежный слой, я пролетел его насквозь и долбанулся башкой об лед. Чем заработал небольшое сотрясение мозга и в придачу эти вот глюки. А поскольку до этого

мне наблюдать галлюцинаций не приходилось, я решил, что увиденное вполне к ним подходит. И я очень надеялся, что помутнение рассудка у меня временное, что вскоре я очухаюсь и вместо этих двух цветных чудиков увижу склонившихся надо мной Сеньку и Пашку. В худшем случае, врачей в больнице. Хотя нет, не в худшем. Уж лучше их, чем этих вот... этих... Я даже не мог придумать, с чем же их можно сравнить.

Короче говоря, это были не люди. И не звери. Скорее, ожившие игрушки или герои тридцатого мультика. Кроме того что один был красный, а другой зеленый, оба они были совершенно одинаковыми. Поскольку я рассматривал их, лежа на спине, в точности оценить их рост я не мог — к тому же они еще и склонились надо мной. Но то, что они были ниже меня, это точно. Примерно наполовину. А еще они были круглыми и пушистыми. Но не такими круглыми, как шар, а, скорее, как груша — с немного вытянутой верхней частью, которая заменяла им голову. Я решил так потому, что у каждого из этой парочки на ней моргали большущие черные глаза и виднелся маленький ротик. Да, там где всё это моргало и виднелось, пушистость отсутствовала, вместо нее на игрушечных «лицах» росла короткая шерстка. Ручки и ножки у пушистиков выглядели тонкими прутиками, но в остальном, не считая цвета, казались вполне человеческими, во всяком случае, с пятью пальцами на каждой руке. На ногах, наверное, тоже, но ступней этих чудиков по понятной причине я пока не видел.

Углядев, что я открыл глаза, пушистики засмеялись и хлопнулись правыми ладошками. Затем они деликатно отошли в сторону и молча застыли, помаргивая на меня любопытными глазами.

Хоть это и была галлюцинация, но валяться просто так на спине мне уже наскучило. В конце концов, если я встану и начну двигаться здесь, вряд ли мое настоящее тело станет повторять эти движения. А даже если и станет — там же ровное заснеженное озеро; я ни на что не наткнулся, никуда не провалюсь... Разве что опять в снег, так это не страшно.

В общем, я встал. Точнее, сначала сел. Осмотревшись по сторонам, я чуть было снова не лег. Вокруг простирались усеянные цветочками зеленые поля, росли деревья, вдалеке петляла река, а за ней виднелись разноцветные домики. С другой стороны синели далекие горы, еще с одной клубился кронами густой лес... То, что было позади, я рассмотреть не мог, поскольку за моей спиной росло высоченное дерево с таким толстым стволом, что даже если бы мы с Сенькой, Пашкой и Юлькой взяли за руки — и то вряд ли смогли бы его обхватить.

И всё бы ничего, даже здорово и очень красиво — самое то для моей ушибленной психики, — если бы не перебор с цветностью, как если бы на телике ее выставили на максимум. То есть трава была очень зеленой, небо чересчур синим, цветочки своей пестротой просто резали глаз, а уж эти два пушистых чудика и вовсе светились как светофор. Есть же такие, где только красный и зеленый цвет, без желтого. Правда, вряд ли так бывает, чтобы оба цвета горели одновременно.

Мои сомнения насчет галлюцинации полностью отпали. Я был в мультике. Очень ярком и красочном. И, похоже, совсем не страшном. Никакого света в конце туннеля, рогатых свиных рыл, зовущих голосов... Значит, я пока не умираю, что вселяло надежду на лучшее будущее. Вот только мне было очень жарко. Солнца я, правда, пока не видел — его, вероятно, заслоняло дерево, но судя по всему глюк был на летнюю тематику, а я оставался в зимней куртке и шапке. Кстати, моя желтая куртка тоже стала очень яркой. Я даже подумал, что если встану между пушистиком, то получится классический трехцветный светофор. Но регулировать движение здесь не имело смысла, за неимением такового, хоть я и разглядел чуть поодаль желтую грунтовую дорогу. Хорошо, не из кирпича, а то я такой мультик уже видел. И даже книжку в детстве читал. Впрочем, мои пушистики даже на Страшилу не тянули, а уж я на Элли — тем более.

Я снял шапку, сунул ее в карман, а саму куртку повязал вокруг пояса. Мне заметно полегчало, я отер со лба пот и решил наконец познакомиться с шарообразными чудиками. С грушеобразными, если точнее.

Я медленно приблизился к пушистикам. Не хотелось их пугать, убегут еще, и что мне тогда делать? Кто знает, сколько я там, в реальности, буду в себя приходить — и что, одному тут от скуки изнывать?

Впрочем, похоже, никто меня бояться и не собирался. Наоборот, увидев, что я двинулся к ним, чудики захихикали и снова шлепнули друг друга ладошкой о ладошку. Вроде как: «Ура! Мы победили!» Меня, что ли? Ну, это мы еще посмотрим.

Я остановился в паре метров от пушистиков. Они и впрямь оказались в половину меня ростом, так что, подойди я ближе, им бы пришлось задирать головы, а с учетом отсутствия шей вряд ли это далось бы чудикам легко.

— Привет, — начал я первым. — Вы кто такие?

Пушистики переглянулись.

— Здравствуй, — сказал зеленый. — Я — Кругляк.

— Привет, — подхватил красный. — А я — Шарик.

И выдали дуэтом:

— А ты кто?

Признаться, услышав свое ненавистное прозвище, я слегка обалдел, и от растерянности ляпнул:

— Я — Ролик... — Впрочем, я тут же спохватился и поправился: — В смысле, Роллинг Стоунз, если полностью.

Ну а что? Я люблю слушать эту группу¹, хотя ее многие мои знакомые считают древностью. Сами они древности! Хорошая музыка вообще срока давности не имеет.

— Ага... — растерянно сказал зеленый. Как его там?.. Кругляк. — Только ведь...

— Откуда ты, Ролик? — тут же спросил Шарик.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал я руками. — Никаких Роликов! Роллинг Стоунз. Ясно вам?

— Не ясно, — замотали головами (а точнее, целиком собой) пушистики. — Ты не можешь быть камнями. Ты же один. И не твердый, мы щупали.

— Щупали они! — возмутился я. — Человек прилег отдохнуть, а они его — щупать! Не стыдно вам?

— Ты лежал вот так, — сказал Шарик и, вытянув ручки, плюхнулся вниз лицом на траву.

— Мы думали, ты умер, — трагическим шепотом поведал Кругляк.

— Поэтому мы тебя перевернули, — вскочил на ноги красный пушистик. — А как перевернуть, не пощупав?

Я почувствовал легкое беспокойство. Шарик показал, что я лежал лицом вниз, вытянув вперед руки. Именно так я и летел в снег со склона. Так что же тогда получается? Что я прилетел... сюда?.. Да нет же, тьфу, ерунда какая! Как я мог сюда прилететь? Просто в моем подсознании или где еще там запомнилась последняя поза, в которой я был, когда вырубился. И вообще, то, где я сейчас — это даже не место, а...

— Где мы сейчас? — спросил я у чудиков.

— Здесь, — ответил Кругляк.

— Да что ты говоришь? — округлил я глаза. — Вот спасибо!

— Пожалуйста, — смущенно заулыбался зеленый пушистик.

¹ The Rolling Stones (англ. Роллинг Стоунз, буквально с англ. «катящиеся камни», идиоматический перевод — «вольные странники» или бродяги, «перекати-поле») — британская рок-группа, образовавшаяся 12 июля 1962 года и многие годы соперничавшая по популярности с The Beatles. (Информация из свободных источников Интернета) — Здесь и далее примечания автора.

— Вообще-то мне и так ясно, где сейчас я, и где сейчас вы, но мне интересно услышать вашу версию. И не просто «здесь» или «тут», а конкретное название места. Что такое «конкретное», вам понятно?

— Понятно, — кивнули (точнее, слегка наклонились вперед) пушистики. — Это значит «точное».

— Но... — поскреб ручкой-прутиком в затылке Шарик. — Если совсем точно, то мы сейчас на травянистой почве. Ты это хотел узнать, Ролик?

— Я не Ролик! — не сдержавшись заорал я. — И я не камни! Не нужно переводить мое имя! И не нужно понимать всё слишком буквально. Роллинг Стоунз — это именно Роллинг-г Сто-ун-з. Без перевода, просто набор звуков. А «где мы сейчас» — это название города, страны, планеты, киностудии, где снимают этот дурацкий мультфильм... Теперь понятно?

Чудики переглянулись, секунд десять поморгали друг на друга, и Кругляк, потупив взгляд, тихо сказал:

— Не всё...

— Мы поняли про страну и город, — пояснил Шарик, — но не поняли...

— ...про набор звуков, планету, киностудию и мультфильм, — закончил Кругляк.

— Потому что набор звуков, — снова влез красный, — это всё равно «ка-тя-щи-е-ся камни», а ты не камень, а...

— Я же просил не переводить! — перебив его, взмолился я.

— Вот это мы тоже не поняли, — подался вперед зеленый. — Что такое «переводить»? Это тоже набор звуков, только бессмысленный.

И тут до меня стало доходить. А ну-ка, ну-ка...

— Повтори, что ты сказал, — попросил я Кругляка. — Только медленно. И четко двигай губами.

— Вот это мы не поняли... — медленно и четко, как я и просил, заговорил зеленый пушистик, и теперь, внимательно глядя на его губы, я понял, что они двигаются не впопыхах с произносимыми звуками, как в дублированном иностранном фильме. Получается, то, что говорил им я, тоже им слышалось по-другому, уже «в переводе» на «пушистианский»?.. Неважно, русские я произносил слова или английские. Чтобы проверить это, я сказал единственную фразу, которую я знал по-немецки:

— Хэнде хох!

— Зачем? — спросил Шарик, но оба чудика послушно подняли руки.

— Так-так-та-аак... — почесал я в затылке. — Тогда зовите меня Фролтазёр. Надеюсь, по-гондураски это не значит «безмозглый тупица»...

— Что такое «гондурас...»

— Стоп! — замотал я головой. — Хватит. И опустите наконец руки. Значит так. Никаких Роликов, никаких Роллинг Стоунзов. Это наши местные примочки, вам не понять. Меня зовут Фролтазёр. Насчет планеты и мультфильмов поговорим позже. Может быть. И, раз уж вы знаете... кто бы мог подумать?.. что такое страна, пожалуйста, скажите мне, как называется та страна, в которой мы сейчас находимся?

— Правдивое королевство! — в два голоса воскликнули пушистики.

— Отлично, — улыбнулся я и подмигнул: — Значит, врать у вас нельзя? За это, наверное, отрубают голову? Или хотя бы вырывают язык.

Шарик вдруг повалился навзничь в траву. Кругляк бросился его поднимать и возмущенно запищал мне:

— Ты что?! Нельзя такое при нем! Он же такой чувствительный!

— Про врать или про голову? — недоуменно заморгал я.

— Про все эти ужасы, — зашептал зеленый пушистик, обмахивая лицо красного ладошками. — А «врать» — это тоже бессмысленный набор звуков.

— Ха, — сказал я, увидев, что Шарик уже открыл глаза и с помощью Кругляка пытается встать на трясущиеся ножки. — Слово «правда» они знают, а «врать» для них — набор звуков. Нехорошо обманывать чужеземцев.

— «Правда» — тоже набор звуков, — нахмурился Кругляк, поддерживая покачивающегося братца. — И «обманывать». Если ты объяснишь, то...

— Погоди, — остановил я его. — Как же вы не знаете, что такое правда, если королевство у вас Правдивое?

— Ну и что? — нашел в себе силы для продолжения разговора Шарик. — «Правдивое» — это просто красивое слово, так зовут наше королевство. Вот что значит «Фролтазёр»? Тоже ведь ничего не означает, просто красиво. Нас раньше тоже звали Гжмых и Пжлых. Ничего не означает, зато о-очень красиво! Но после того как...

— Не надо! — остановил его зеленый пушистик. — Не надо о грустном, ты и так еле держишься. — И посмотрел на меня: — А ты так и не сказал нам, откуда ты сам и как здесь очутился?

— Я прибыл из королевства Школяндия, — гордо вскинул я голову.

— Ты король? — спросил не до конца пришедший в себя Шарик.

— Нет. Я принц.

— А зачем ты здесь? — поинтересовался Кругляк.

— Я странствующий принц. Так сказать, вольный странник.

— Тебя изгнали из королевства? — ужаснулся красный пушистик.

— Нет, я решил немного попутешествовать, пока не стал королем.

— Разве король не может путешествовать? — удивились оба чудика.

— Да королю бывает даже в «Танчики» сыграть некогда! — воздел я к небесам руки. — Он порой так урабатывается, что становится похож то на тебя, то на тебя.

— Таким же круглым? — спросил Кругляк.

— Нет. То красным, то зеленым.

— Какой правильный король, — вздохнул Шарик.

И тут на дороге показался всадник. Взымая желтую пыль, он скакал прямо к нам.

Глава 3

Всадник выглядел как обычный человек. Не пушистый шар, не колючий квадрат, не лысый треугольник. Руки, ноги, голова — всё стандартное, всё на месте. И лошадь под ним выглядела, как обычный чело... в смысле, как нормальная лошадь. Это мне почему-то больше всего и не понравилось. Потому, скорее всего, что в этом глючно-мультияшном мире им было не место. Правда, всадник был одет в какой-то средневековый наряд с плоским золотистым тазиком на груди (насколько помню, это называется кирасой) и в такой же золотистый островерхий шлем, а слева у его бедра висела шпага. Поэтому у меня мелькнула мысль, что моя галлюцинация решила попробовать себя и в других, помимо мультипликации, жанрах — в исторических фильмах, к примеру. А то, что при этом получилась неправдоподобно-несовместимая смесь, так я ведь говорил уже, что в плане глюков я еще новичок, опыта маловато. Вот когда в следующий раз головушкой треснусь — глядишь, уже и что-то дельное привидится.

Не понравилось мне еще и то, что всадник был слишком серьезным, даже хмурым. Доскавав до нас, он придержал коня, остановился, но слезать не стал. Смерил меня свысока подозрительным взглядом и грозно спросил:

— Ты не шпион честняков?

— Нет, — ответил я совершенно искренне. Фантазировать в данный момент мне совсем не хотелось.

— Хорошо, — сказал всадник и повернулся к застывшим поодаль чудикам. — Стандартная процедура, — произнес он приказным тоном, и оба пушистика синхронно закачались вперед-назад, то есть вроде как закивали.

Мужчина в кирасе подобрал поводья, шлепнул пятками сапог по бокам лошади, и та потрусилась к желтой дороге, а добравшись до нее, перешла на галоп — только пыль столбом.

— И что это было? — спросил я, когда всадник скрылся в том же направлении, откуда и прибыл.

— Э-э-ээ... — начал скрести Шарик ручкой затылок. — Это было... как бы даже не что, а кто.

— Лошадь и человек, — пришел ему на выручку Кругляк. — Ой, то есть человек и лошадь. А еще точнее — человек на лошади.

— Да ну? — сказал я. — А мне показалось: лошадь под человеком.

— Можно и так, но... — поднял тоненький указательный пальчик красный пушистик, однако я его перебил.

— Я ведь уже просил вас, — перевел я взгляд с одного на другого чудика, — не надо отвечать на мои вопросы слишком буквально. У нас сейчас не конкурс на звание лучшего «капитана Очевидность». В этом плане вы оба одинаковы хороши. — Пушистики даже слегка раздулись от гордости, но следующей фразой я их, что называется, обломал: — А поэтому толку от вас — ноль!

— Какая форма — такое и ш-шшодерж-жжание! — тоненько вдруг прошипело за моим левым ухом.

От неожиданности я подпрыгнул и резко повернулся. Напротив моего лица в воздухе висело нечто, похожее на бронзовую зубастую ящерицу с крыльями от летучей мыши. Ящерица быстро-быстро молотила ими по воздуху, оставаясь при этом на одном месте подобно игрушечному вертолетику.

— Одним ш-шшловом — олухи! — подлетела к первой и зависла рядом еще одна ящерка.

— Кыш-шш! — пыхнула на нее облачком пламени первая. — Это моя добыч-чча!

— Не ш-шшлиш-шшком ли ж-жжирно? — полыхнула в нее огоньком вторая.

— Ах так?! — вцепилась в нее когтистыми лапками первая. — Ш-шшейч-ччаш-шш ты у меня...

В воздухе завертелся шипящий и плюющийся пламенем бронзовый клубок. Реальной опасности он не представлял — язычки пламени были крохотными, да и вспыхивали лишь на мгновение, — но я всё-таки отошел в сторону, поближе к пушистикам. Коготочки у ящериц, как я успел заметить, были хоть и малюсенькими, но острыми, как рыболовные крючки. Прилетит этот драчливый клубок в физиономию — буду потом ходить изодранный, словно валерьянку у котов отбирал.

— А это кто такие? — глядя на Кругляка с Шариком, мотнул я головой на взбесившихся ящериц. — Только не надо говорить очевидные вещи, хорошо? То, что это крылатые ящерицы с чешуей бронзового цвета, я и сам прекрасно разглядел.

— Это не ящерицы, — сказал Кругляк.

— Это драконы, — пояснил Шарик. — Маленькие, но настоящие.

— Их зовут Злобдр и Страшдр.

— Это они сами так себя называют, сокращенно от...

— Ж-жжлобный дракон и Ш-шштращ-шшшный дракон? — улыбнулся я.

— Да-да, Злобный и Страшный, — дуэтом выдали пушистики.

— Они такими когда-то и были, — перейдя на шепот, сказал Кругляк. — Огромными, злобными и страшными.

— Ж-жжуть! — почти по-драконьи подтвердил Шарик.

— А что с ним случилось потом? Заболели?

— Нет, — вновь в один голос выдали чудики и замолчали.

— А что тогда? — Мне стало уже интересно.

— Э-э-ээ... — закатил глаза красный пушистик. — Как бы это...

— Тихо! — прикрикнул на него зеленый. — Некрасиво говорить о присутствующих. Они сами могут рассказать, если захотят. Тем более, нам пора.

— Уже уходите? — с искренним огорчением спросил я. К этим цветным чудикам я уже привязался.

— Уходим, да, — кивнул-качнулся Шарик. — И ты тоже.

Я поднял руки и замотал головой.

— А вот сейчас давайте подробнее. С чего вы вдруг так резко подорвались уходить, и с какого-такого перепугу с вами должен идти я? Уж не потому ли, что дяденька на лошади сказал вам: «Обычная процедура»?

— «Стандартная», — поправил меня Шарик. — Он сказал: «Стандартная процедура».

— О! Ты тоже помнишь, — подмигнул я. — А то скажете потом, что ничего не слышали; никакого дяденьку не видели; я — не я, и лошадь не моя.

— Лошадь не твоя, — заморгал Кругляк. — А сказать, что мы не видели начальника стражи и ничего не слышали, мы не можем. Потому что видели и слышали.

— Ага! — обрадовался я. — Это еще и начальник стражи. Удивительное дело: сам начальник стражи мчится к вам, чтобы сказать всего два слова. Кто же тогда вы? Принцы, что ли, как и я?

— Они ищ-щщейки! — вновь прошипело у меня за ухом. — Прихвош-шштни ш-шшт-раж-жжников.

Оказывается, драконы давно уже прекратили драку и слушали нашу беседу.

— Кыш-кыш! Пошли отсюда! — запахали ручками-прутиками пушистые чудики.

— Нет, не пойдем, — сказал то ли Злобдр, то ли Страшдр (как их различать, я понятия не имел). — У наш-шш лапы короткие, долго ш-шшагать придетш-шшя.

— И вообщ-щще, — сказал второй дракончик. — Это наш-шша добыч-чча, мы его ш-шш вами не отпуш-шштим!

«Ага, — подумал я, — драка завершилась ничьей, и я теперь добыча обоих. Даже лестно, когда за тебя дерутся. И не кто-нибудь, а драконы!» Вслух же я сказал следующее:

— Я никуда ни с кем не пойду, а вам, шепелявым, — бросил я взгляд на дракошек, — поотрываю опухала, если вы все, можно по одному, коротко и четко не ответите на мои вопросы.

Злобдра и Страшдра сразу как ветром сдуло, а на дереве, под которым я недавно лежал, зашелестела листва. Спрятались, значит. Ну-ну. А пушистики что?.. Хотя, им-то я ничего поотрывать не обещал. Может быть, и напрасно. Впрочем, они пока этого и не заслужили.

— Спрашивай, — вздохнул Шарик.

— Только не о личной жизни! — предупредил Кругляк.

— Жаль, — сказал я. — Вряд ли я теперь смогу уснуть, не узнав о вашей личной жизни, ну да ладно. Вопрос первый: почему драконы называли вас прихвостнями стражников?

— Потому что мы как бы... — начал Шарик, глядя то под ноги, то в синее небо, — помогаем стражникам.

— Чем можем, — тоже посмотрел в небо Кругляк. — Но толку от нас мало, ты удачно сказал. Не ноль, но...

— Почему драконы называли вас ищейками? Вы и меня нашли, потому что специально искали?

— Ага, — грустно выдохнули пушистики. — Мы всегда кого-то ищем. Но специально тебя не искали. Откуда ж мы знали, что это будешь ты?

— Ладно, — нахмурился я. Что-то с этими поисками мне всё равно было непонятно, но я решил сменить пока тему. — Тогда вопрос номер два...

— Номер четыре, — поправил меня Шарик.

— Неважно, — отмахнулся я. — Как этот всадник... начальник стражи узнал, что вы меня нашли, и что нашли именно тут?

— Это мы ему ш-шшкаж-жжали, — послышалось с дерева.

— Ну ничего ж себе! — возмутился я. — Пушистиков они обзывают прихвостнями стражников, а сами-то чем лучше?

— Мы думали, ты умер, — высунулась из листвы зубастая мордочка.

— Или ж-жжаболел, — появилась с ней рядом вторая.

— Куда было ещ-щце лететь? — недовольно пропищал первый дракошка. — К магу, ш-шшто ли?

— Магов мы не любим, — пискливо пробурчал второй.

— Ну хорошо... — даже немного смутился я, отчего слова насчет магов пропустил мимо ушей. — Спасибо тогда.

— Ш-шшпаш-шшибо на ж-жжуб не полож-жжиш-шшь...

Я сделал вид, что этого не расслышал и перешел к следующему вопросу:

— Кто такие честняки?

— Жители Честного королевства, — сердито буркнул Кругляк.

— У нас с ними война, — пояснил Шарик.

— Вот это да! — выпучил я глаза. — Начальник стражи спросил, не шпион ли я врагов, я ответил, что нет, и ему этого хватило?

— Хватило на что?

— Чтобы мне поверить, разумеется.

— Ты опять произнес бессмысленный набор звуков, — сказал зеленый пушистик.

— Видать, твоя Школяндия очень уж от нас далеко, — вздохнул красный. — Не всё понятно, что ты говоришь.

Я не стал развивать тему о моей родине и спросил:

— Что такое «Стандартная процедура»?

— Когда находишь чужеземца, нужно спросить, не шпион ли он, и если нет — отвести его к магу. К любому ближайшему в королевстве.

— К магу? — наконец-то дошел до меня смысл этого слова. — У вас есть маги?.. Настоящие?

— Есть. Настоящие, — так же просто, как если бы я спросил про котлеты, ответили чудики.

Между прочим, про котлеты мне вспомнилось не зря. Я почувствовал, что очень хочу есть. И пить. Интересно, это просто выкрутас моей галлюцинации, или мое несчастное тело по ту сторону бреда на самом деле страдает сейчас от голода и жажды?

— А у мага найдется, чем перекусить? — сглотнул я.

— У мага найдется всё, — многозначительно сказал Шарик.

— Тогда идемте скорей, что ж вы встали-то? — заторопил я пушистиков. Но тут же опомнился: — Погодите! А зачем меня — к магу?

— А вот это нам знать не положено, — испуганно, оба разом, выпалили чудики.

— А вам? — крикнул я, задрав голову к шелестящей листве.

— А нам ш-шшто, больш-шше вш-шшех надо? — послышалось оттуда.

— Ну я же всё-таки ваша добыча. А вдруг маг сам меня съест?

— Маг такими заморыш-шшами не питаетш-шшия.

— Ох, ничего ж себе! — возмущился я. — И кто бы это говорил? Ну всё, близко ко мне лучше не подлетайте — точно крылышки пообрываю.

Я снова посмотрел на пушистиков. Хотел уже было сказать им, что можно трогаться в путь, но что-то меня продолжало тревожить. Было такое чувство, что меня если не обманули — а обманывать, похоже, здесь и впрямь не умеют, даже слов таких не знают, — то явно чего-то недосказали. И как-то это было связано именно с магами... Ах да, дракошки ведь тоже что-то говорили о магах! А вот что именно?.. Стоп! Вспомнил. Что они не любят магов.

— Эй, летуны, — снова поднял я голову. — Хотите, чтобы я не обрывал ваши крылья?

— Хотим, — пискнули из листвы.

— Тогда вылезайте и расскажите мне, почему вы не любите магов?

Злобдр и Страшдр (хоть я по-прежнему не знал, кто из них кто) тут же выпорхнули из-под густой листвы дерева, подлетели ко мне и зависли, напомнив на сей раз не вертолетики, а птичек колибри. Дракошки, правда, были их заметно крупнее. А еще я удивился, до чего же они доверчивые существа, ведь что мне стоило схватить их сейчас и выполнить свою угрозу. Но тут я вспомнил, что нахожусь в Правдивом королевстве, и подданные здешнего короля (или королевы — надо будет спросить, а то как-то неприлично) просто не знают таких слов и понятий, как «ложь», «обманывать», «врать». Кстати, это было еще одним подтверждением того, что всё это происходило не наяву.

Дракошки между тем рассказали мне интереснейшую историю... Оказывается, между Правдивым и Честным королевствами и в самом деле шла настоящая война. К счастью, в этом мире не было не только атомных бомб, баллистических ракет, самолетов и подводных лодок, но даже обычных винтовок и пистолетов. Ничего огнестрельного в принципе, не считая драконов. Да-да, здесь имелись самые настоящие огнедышащие боевые драконы. Злобдр и Страшдр как раз и относились к их числу. Основу обеих вражеских армий, как и на многих этапах земной истории, составляли пехота и конница. Из оружия — только копья, мечи, луки со стрелами, дубины да топоры. Однако исход боя в этом мире решали не только и даже не столько солдаты и их командиры, не только и не столько боевые драконы, как эти самые маги, с одним из которых мне и предстояло скоро встретиться. Так вот, эти маги во время боя пытались любыми путями вывести бойцов неприятеля из строя. Единственной договоренностью был запрет магам на убийство. То есть всё равно как у нас запрет на оружие массового пораже-

ния, потому что некоторые сильные маги вполне могли таким оружием стать. И как же именно делали маги вражеских солдат небоеспособными? Мне это было столь непривычно слышать, что половину способов я от удивления пропустил. Но зато прекрасно понял, почему стали такими крохотными и писклявыми некогда огромные, могучие, злобные и страшные два моих новых знакомца с бронзовой чешуей. Такими их сделали боевые маги противника. Попросту говоря, заколдовали.

Честно скажу, я был ошарашен. Я даже на какое-то время забыл, что всё это не по правде, что мне это только видится в бессознательном бреде, хоть я никогда раньше не мог бы подумать, что бред, галлюцинация, или как еще это назвать, могут быть такими логичными, последовательными и, надо сказать, необычайно интересными.

Добили меня пушистики. Я уже и так начал что-то подозревать, вспомнив некоторые их недосказанности и оговорки, но после драконьей исповеди они признались сами, что тоже пострадали от заклинаний вражеских магов. Только раньше они были не драконами, а простыми лучниками. Вот тебе и весь сказ.

Я думал, что больше, чем этим, меня уже трудно будет чем-то удивить. Я ошибался. Ох, как же я ошибался! Едва мы вышли из-под тени огромного дерева, я машинально повернул голову в ту сторону, которая оставалась до этого закрытой. Наверное, мне подсознательно хотелось увидеть здешнее солнышко, ведь солнце — это жизнь, а жизнь — это то, чего я никак не хотел бы терять.

И всё же сначала я увидел гору. Нет, даже не так. Не просто гору, а Гору! Формой она представляла почти правильный конус, а размерами превышала всё, виденное мною ранее. Гора стояла далеко, почти у странно размытой линии горизонта, и всё равно казалась гигантской, заслоняя собою полнеба. А плоский срез ее неширокой вершины, казалось, лишь чуть-чуть не доставал до солнца. Но нет... Там не было никакого солнца!.. Небо над горой постепенно меняло цвет с ярко-синего на темный, а выше и вовсе почти на черный, отчего казалось вытянутым вверх подобно перевернутой воронке. И там, где кончалось горлышко этой воронки, сиял ослепительный белый свет.

Последним, что я подумал перед тем как потерять сознание, было: «Так вот он какой, свет в конце туннеля!»

Глава 4

Я снова очнулся от того, что мне легонько стучали по лбу. На сей раз я распахнул глаза сразу, в надежде, что увижу родное бледно-голубое небо и склонившихся надо мной Сеньку и Пашку. Пусть даже и Юльку. Ладно, я был согласен даже на белый потолок больничной палаты и на врачей.

Но надо мной по-прежнему синело мультяшное яркое небо, а навыки барабанщика отрабатывал на моем лбу Шарик.

Я чуть не заплакал от стыда и досады — не знаю, от чего больше. Наверное, от досады — эта нескончаемая галлюцинация мне уже порядком надоела и, откровенно говоря, стала навевать нехорошие мысли: чего это я так долго валяюсь в отключке? Вдруг я вообще в коме, а из нее, слышал, бывает, годами не выходят, а то и... Нет-нет-нет! Вот только об этом думать не стоит! Лучше уж тогда пострадать немножко и от стыда. В самом-то деле, дважды за один день хлопнуться в обморок — это уже перебор. Если в школе узнают — лучше туда больше не ходить, засмеют. И ладно еще первый раз, когда лбом прочность льда испытывал, но сейчас-то! Из-за какой-то дырки в небе! Да еще и ненастоящей. Правда, даже на ненастоящую, я на эту дыру смотреть больше не хотел. Пусть она там себе светится, мне от нее ни холодно, ни жарко. Нет, вру, жарко, скорее всего, как раз именно из-за нее, но ничего, переживем как-нибудь.

А вот пить от этой жары хотелось уже невыносимо. Где-то я вроде бы видел тут речку?

Я поднялся на ноги, погрозил красному пушистику (всё-таки мой лоб не барабан) и завертел головой, не поворачивая ее только в сторону Горы.

Зеленый Кругляк оказался также на месте. Да и чешуйчатые летуны висели в воздухе неподалеку.

Реку я тоже увидел. Я плохо определяю расстояния, а из-за яркой раскраски здешнего мира всё вообще казалось то очень далеким, то близким. Но всё равно река была далеко. Может, есть еще какая поближе? Я снова стал оглядывать окрестности.

— Ш-шшильно ш-шшмякнулся, — прошипел один дракошка другому. — Память отшшибло. Иш-шшь, как головой крутит...

— Где я, ш-шшто ш-шшо мной?!.. — шепеляво пропищала вторая ящерица, изображая, как я понял, меня.

Вот паразиты! Они что, думают, я их не слышу?

— Сейчас я кому-то память отшибу. Кому-то маленькому и шепелявому, в количестве двух штук.

Я выбросил руку в сторону дракошек, сделав вид, что хочу их поймать. Летучие шустрики тут же отпорхнули подальше.

— Ты обещ-щцал не обиж-жжать наш-шш! — пискляво завопил кто-то из них.

— Нет, — сказал я. — Я обещал не обрывать вам крылья. А вот дать вам по шелбану не мешало бы.

— Фролтазёр, — просительно заморгал на меня Шарик, — ты не мог бы наказать их потом? А то идти бы уже пора. Не бойся, они всё равно за нами увяжутся.

— Нуж-жжны вы нам!.. — фыркнул, выбросив облачко пламени Злобдр (с большой вероятностью это был он).

— Ш-шшильно надо!.. — пыхнул огоньком Страшдр (с той же самой вероятностью).

— Идемте, — кивнул я пушистикам. — А то я от жажды скоро помру. Далеко до этого вашего мага?

— До мага недалеко, — радостно зашагал к дороге Кругляк. — Три бряка.

— Можно и за два, если бегом, — поспешил за «братцем» Шарик.

Я решил тоже не отставать. Но сколько нам оставалось идти, по-прежнему оставалось для меня загадкой.

— Что такое бряк? — спросил я, сообразив, что это, скорее, мера времени, но никак не расстояния, ведь последнее от скорости передвижения не меняется.

— Бряки делают брякуши на городской башне, — ответил Кругляк. — На всех башнях королевства одновременно. И когда они брякнут три раза, мы уже и дойдем.

— Или два, — не отступал от своей идеи Шарик, — если мы побежим.

— Мы не побежим, — сказал я. — Но ваши бряки всё равно мне ни о чем не говорят. Сколько их в сутках?

— В чем? — вывернули ко мне лица пушистые чудики.

— Ну, в сутках. Утро, день, вечер, ночь...

— Бессмысленный набор звуков, — развели ручками-прутиками Кругляк и Шарик.

— У вас что, всегда день? — удивился было я, но вспомнив, чем является здешнее светило, умолк.

Не стали отвечать на этот вопрос и пушистики, видимо, поняли всё по моему виду. Да и слова «день» так и так не было в их лексиконе.

— А расстояние вы в чем измеряете? — спросил я и решил пошутить: — В полете стрелы?

— Как по нему что-то можно измерить? — замахали ручками оба чудика и затрещали, как встревоженные сороки: — Один выстрелит слабо, другой сильно, один тяжелой стрелой, другой — легкой. Опять же, смотря из чего сделано древко, оперение, наконечник. А форма заточки? Если она тупая, тогда...

— Стоп! — выкрикнул я. — Извините, я забыл, что вы лучники. Давайте по-другому. Если измерять расстояние отсюда до мага в менях, сколько получится? Хотя бы примерно.

— В чем? — изумленно переглянулись пушистики. — То есть, что такоемень?

— Ну, это, в общем-то, я, — пришлось мне немного смутиться. — Просто не знаю, как правильно сказать... Если «во мне» или «во мнях» — то это ведь тоже неправильно. В общем, сколько раз нужно уложить меня на дорогу, чтобы достать до жилища мага?

— Нисколько, — жалобно заморгал Шарик.

— Сколько тебя ни укладывай, ты всё равно не дотянешься, — подтвердил Кругляк.

— Ш-шшто ты их спраш-шшиваеш-шшь? — запищало у меня за ухом. — Они ж-жже тупицы!

Мне показалось, что от обиды и злости пушистые чудики даже стали не такими яркими.

— Ах так! — взвился Шарик. — Вот вы какие?!..

На большее у него слов не хватило, я даже подумал, что он сейчас заплачет. Но на помощь другу пришел не менее рассерженный Кругляк. У него слова нашлись, и довольно много.

— Пиявки летучие! А вы умные, да? Очень-очень умные? У нас тоже есть, чем вам крылья поотрывать, — помахал он ручками-веточками. — И поотрываем, только попадитесь! Будете по земле ползать, червячков хомячить.

— Меж-жду проч-чим, мы и так ими питаемш-шшя, — оскалил маленькую пасть в острозубой улыбке один из дракошек.

А второй подхватил:

— Вку-ууш-шшно!.. Тянеш-шшь его, тянеш-шшь, он ш-шшшопротивляетш-шшя... Уж-жже ш-шшовш-шшем тоненький ш-шштановитш-шшя, вот-вот порветш-шшя...

— Стой! — закричал я, увидев, как закатил глаза Шарик.

Но я опоздал — пушистик красной упитанной кеглей повалился в траву.

— Ну вы же знаете, какой он чувствительный! — завопил, бросаясь к «братцу» Кругляк. — Зачем про червей-то?!

— Ты ш-шшам первый нач-ччал.

даже замечательно), и что нахожусь я сейчас ни в каком не в кратере, а... Вот тут-то и началась главная проблема. Я понятия не имел, где я теперь находился. Но то, что не на Земле — это уж точно. Может даже не в нашей реальности. И самым ужасным было то, что даже мне с моими фантазёрскими мозгами не удалось придумать, как же мне отсюда выбраться. А жить в этом цветастом мультике до самой смерти хотелось не многим больше, чем валяться в коме. Так я хотя бы лежал дома, и по крайней мере имел хоть какой-то шанс прийти в себя и продолжать нормально жить на родной Земле. По которой, говоря откровенно, я уже начал сильно скучать.

Мне стало так жалко себя, что защипало в носу. Не хватало еще разреветься! И так уже подорвал авторитет хлопаньем в обмороки подобно кисейной барышне. Правда, что такое «кисейная», я не знал, а сеть, чтобы выйти в интернет и «погуглить», мой телефон не ловил, это я успел проверить. Что тоже, кстати, пусть и не напрямую, подтверждало, что я не дома.

Однако имелась у меня и одна небольшая, вселявшая крохотную надежду мыслишка. Таковую малюсенькую и ненадежную, что я даже думать о ней боялся — как бы не сдуло ее силой мысли. В общем, я совсем-совсем немножечко надеялся... на мага, к которому мы сейчас шли. А что? Если здешние маги умеют превращать людей в пушистые шарики, а свирепых драконов в писклявых ящерок, то почему бы им было не под силу отправить меня домой? Тем более... хм-м... Тем более, похоже, я был тут не первым «потеряшкой». Как там называли дракошки пушистиком?.. «Ищейки». А как это объяснили сами красно-зеленые чудики?.. «Мы всегда кого-то ищем». Причем, по их же признанию, они помогают этим стражникам. А прискакавший очень кстати сам начальник этой неведомой стражи, поверив мне на слово, что я не шпион, говорит пушистиком два интересных слова: «Стандартная процедура». Что ж, «процедура», получается, это как раз поход к магу... как его там?.. Зугу. А «стандартная»... Стандартная — она потому и стандартная, что вполне обычная, исполнявшаяся уже не один раз. Так может, моя надежда была не такой уж малюсенькой? По крайней мере, успокаивал себя я, маг мне всё растолкует. Они же тут врать не умеют, так что пудрить мозги он мне в любом случае не станет. После подобных рассуждений я слегка приободрился. Даже начал смотреть по сторонам, невольно любуясь открывающимися видами.

А полюбоваться было на что. Пустые луга и поля сменились веселыми деревеньками. Не в том смысле веселыми, что там все пели и плясали, а в том, что выглядели они очень чистенькими, нарядными, с разноцветными (куда уж без этого!) домиками. Мелькали там и жители, но рассмотреть их как следует не удавалось — почему-то все эти деревни стояли на приличном расстоянии от дороги.

Зато на самой дороге нам два раза встретились конные стражники. Они были одеты почти как их начальник; ну, может, поменьше блестело на мундирах пряжек и прочих финтифлюшек, да кирасы и островерхие шлемы были у них не золотистыми, а серебристыми.

Охранники спрашивали, не шпион ли я; я отвечал, что нет; Кругляк и Шарик докладывали о «стандартной процедуре», и нас без проблем пропускали дальше.

Потом дорога пошла на подъем, и когда мы взобрались на пригорок, я увидел впереди Зугар — тот самый город, в котором жил маг Зуг. Сказать по правде, я ожидал чего-то более эффектного. Думал, что увижу нечто такое, что непременно есть в исторических фильмах про средние века: крепостную стену, ров, огромные кованые ворота, охраняемые стражниками с алебардами, а за стеной — скопище мрачных серых зданий вокруг величественного замка. Ничего этого не было. Ни рва, ни ворот, ни крепостной стены. Даже замка я разглядеть не сумел, хотя город и лежал передо мной как на ладони. Мое разочарование немножко скрасило то, что здания в Зугаре оказались вовсе не мрачными и серыми, а такими же разноцветными и веселыми, как те, что я видел в селениях по дороге сюда. Разве что здесь они были в основном двух- и трехэтажными. И не грубыми прямоугольниками, подобными многим зем-

ным зданиям, а самых порой причудливых форм; я увидел даже подобие каменного снеговика — три круглых этажа белого цвета с коричневой крышей точь-в-точь как большое ведро. Еще бы огромную морковку на третий этаж — снеговик бы получился просто великолепный.

Заметив, что я рассматриваю город, Шарик спросил:

— Нравится? У вас в Школяндии есть такие города?

— Таких точно нет, — сказал я. — Очень красивый город. Но почему нет крепостной стены и защитного рва?

— Зачем это? — подключился к разговору Кругляк.

— Как это зачем? А враги?..

— Мы же тебе говорили, что здесь живет маг.

— И что? — не уловил я связи между стеной и магом.

— Так ведь он поставил сторожевую завесу, — сказал Шарик с таким видом, будто я выдал несусветную глупость.

— У вас в Школяндии разве не так города защищают? — заморгал Кругляк.

— Не так, — сказал я. — У нас или стена со рвом, или вообще ничего.

— А как же враги?! — ахнули пушистики.

— Когда они подходят к городу, вокруг которого нет никакой защиты, враги теряются.

— Как теряются? Где? — пискливо заверещали цветные чудики. — В городе? Они у вас такие огромные и запутанные, что можно потеряться?

— Есть и такие, — кивнул я. — Но враги теряются не в том смысле, что пропадают. Просто они... как бы это понятнее сказать... испытывают растерянность, когда ничего защитного не видят. Думают, что в этом есть какой-то подвох, что это ловушка. В общем, такие города они на всякий случай не трогают и отправляются завоевывать те, где имеются старые добрые ров и стена.

— Разве стена может быть доброй? — удивился Кругляк.

— И ров? — добавил Шарик.

— А вам когда-нибудь встречались злые стены и рвы? — вопросом на вопрос ответил я.

Глава 5

Когда мы подходили к городу, я всё ждал, что на меня сейчас подействует магическая сторожевая завеса. Даже немножко опасался: вдруг она ударит чем-то вроде электрического разряда, парализует ноги, вызовет во мне панический страх или сотворит что-нибудь еще не особо приятное.

Пушистики каким-то образом поняли, о чем я думаю, и Шарик сказал:

— Не бойся. О тебе уже знают, сторожевая завеса тебя пропустит.

— А если бы не знали, тогда что?

— Тогда бы ты просто уперся в завесу, — ответил Шарик.

— Как в стенку, — добавил Кругляк. — И ты бы должен был сказать, зачем идешь в Зугар.

— Если твои намерения чисты, — явно повторяя чьи-то слова, напыщенным тоном пропищал Шарик, — завеса открыла бы тебе путь, а грязные замыслы обратили бы тебя в прах.

— Неужели находятся дураки, — усмехнулся я, — которые говорят: «Я иду, чтобы ограбить банк»?

— Что такое банк? — переглянулись и уставились на меня чудики.

— Ну-у... — задумался я, поскольку и сам точно не знал, чем занимаются в банках, кроме того, что там выдают и принимают деньги, — там хранят деньги.

— А что такое деньги? — опять же вместе спросили пушистики.

— Не смешно, — сказал я.

— А мы разве смеемся? — удивился Шарик. Кругляк выглядел не менее удивленным.

— Да-а, ребята... — пробормотал я, вспомнив, что врать, даже в виде шутки, здесь не умеют. — Тяжелый случай. Ладно, проехали.

Я мысленно усмехнулся. Тоже мне, защитная магия! Эта сторожевая завеса, которой я поначалу опасался, оказалась всего лишь глупым забором, который открывал калитку любому, кто скажет: «Я иду в гости» или что-то в этом роде.

А меня, как и обещали пушистики, она пропустила вообще без проблем — я ничего не почувствовал.

Город изнутри оказался еще красочней и праздничней, чем снаружи. Вымощенные прямоугольными камнями улочки были чистыми, словно их каждый день мыли, а краска на зданиях такой яркой, будто дома каждый день красили. Впрочем, в этом мире всё было таким же — ярким и праздничным, за исключением Горы и той светящейся дырки в небе, о которых мне не хотелось и вспоминать. Мне было совершенно непонятно, откуда в этом мире берутся враги и как здесь могут воевать. Разве что от скуки — так, понарошку, вроде игры в пейнтбол? И то с перерывами на обед и послеобеденный сон. «Война проводится ежедневно с 9—00 до 18—00, в пятницу — с 9—00 до 17—00. Суббота и воскресенье — выходной». Я невольно растянул губы в улыбке, представив такое объявление, но быстро ее убрал, вспомнив, что красно-зеленые пушистики были когда-то людьми, а смешные крылатые ящерки — огромными свирепыми драконами. Стало быть, здешние войны всё же не игры. Во всяком случае, далеко не безобидные.

Людей в городе мы почему-то почти не встретили — так, двух-трех прохожих, да и то издали. Тут я вспомнил, что в этом мире не существовало времен суток, да и само понятие «сутки» отсутствовало, так что вполне возможно сейчас по городским меркам была ночь. В смысле, то время, когда принято спать. «Может, мы напрасно идем в такую пору к магу? — подумалось мне. — Разбудим старика, рассердим, и он превратит нас в лягушек. Или вообще в рыбок, а про аквариум забудет».

Но тут мне в голову пришла другая мысль, от которой меня окатило холодом, а глупости про лягушек и рыбок вмиг ускакали и уплыли из головы. Я вспомнил, чего я ждал от мага. То, что он поможет мне вернуться домой! А куда — домой? В Школяндию?!.. Здесь ведь не знают, что такое ложь, не понимают ни шуток, ни фантазий, поэтому, если я вдруг скажу, что на самом деле прибыл с Земли, у бедного Зуга, чего доброго, просто крыша поедет: как это — человек прибыл сразу из двух разных мест?!.. И куда он меня в этом случае вернет? По принципу «первое слово дороже второго» — в несуществующую Школяндию? И что тогда со мной будет — я просто исчезну, растворюсь в своей собственной дурацкой лжи?

В тот момент я впервые возненавидел себя за привычку фантазировать. Настолько, что готов был откусить свой болтливый язык. Ошибалась Ольга Дмитриевна, говоря, что я складно вру. Своими бестолковыми фантазиями я сам себе закрыл дорогу домой.

В который уж раз за день мне захотелось заплакать. Если бы не шагающие рядом пушистики, точно бы заревел. Стоп!.. Пушистики! Только им я сказал, что я из Школяндии. Или дракошкам тоже? Впрочем, Злобдр со Страшдром куда-то подевались; может, охранная завеса не пускала в город драконов? Значит, только пушистики, разноцветные писклявые чудики. Пойдут ли они вместе со мной к магу? Если да — нужно срочно переубедить их насчет Школяндии. Другое дело, как... Впрочем, сначала нужно выяснить главное.

— Далеко еще идти? — начал я издалека.

— Мы уже почти пришли, — ткнул вперед ручкой-веточкой Кругляк.

Вы будете смеяться, но маг Зуг жил именно в том доме-снеговике, который мне так понравился. Вот только мне в тот момент было не до смеха.

— А нам точно к нему можно? — стал искать я пути к отступлению. — Вдруг он сейчас спит?

— Маги не спят, — неуверенно пропищал Шарик.

— А вдруг? Рассердится, превратит вас в лягушек. Нас, в смысле.

— Нас не превратит, — успокоил меня Кругляк. — Ты к нему один пойдешь.

На моем лице, видимо, вспыхнули такие радость с облегчением, что пушистые чудики даже растрогались.

— Ты так волнуешься за нас? — всхлипнул Шарик. Кругляк, похоже, от волнения вообще не мог говорить.

— Конечно волнуюсь! — прижал я к груди руки. — Вам и без того досталось. А если бы еще из-за меня...

Кругляк и Шарик навзрыд зарыдали. Из больших глаз, словно из водопроводного крана, хлынули потоки слез, рисуя на пушистой шерстке мокрые дорожки.

— Вы чего? — сглотнул я, сам уже с трудом сдерживая слезы. — Не надо.

— Как «чего»? — сквозь рыдания и всхлипы наперебой запищали пушистики. — Как «не надо»? Ты такой добрый... Нас никто никогда не жалел... Только ты!

Мне стало стыдно. Вот честно скажу: очень стыдно. Я не мог ни смотреть в глаза Шарику и Кругляку, ни продолжать этот разговор. Поэтому я сквозь ком в горле выдавил:

— Так я пошел? — и, не оборачиваясь, быстро зашагал к «снеговiku».

Входные двери жилища мага распахнулись передо мной сами. «Фотоэлементы», — подумал я, но тут же мысленно обругал себя безмозглым тупицей. Какие еще фотоэлементы в мире драконов и магии? Она, магия родимая, и есть. Стопудово. Зуг, наверное, еще и наблюдает за мной через какое-нибудь волшебное блюдо. На всякий случай я приветливо помахал рукой и вошел внутрь здания.

— Иди наверх, — заставил меня вздрогнуть от неожиданности голос. Не сказать чтобы оглушительно громкий, но такой, что пробирал, казалось, до самых костей. Как бас-гитара у

рок-музыкантов, особенно если слушать через хорошую акустику. У Сеньки, кстати, такая; мы часто у него музыку слушаем.

Но сейчас мне было не до музыки. Я невольно стал озираться, пытаюсь понять, откуда звучит голос, как он зазвучал снова:

— Лестница справа от тебя. Поднимайся.

«Ага, — подумал я, — значит, точно за мной наблюдает».

Лестницу я увидел сразу. Повторяя плавный изгиб вогнутой стены, она вдоль нее уходила наверх. Мне не оставалось ничего другого, как встать на ступеньку и... Я уже занес ногу для следующего шага, как лестница, подобно эскалатору метро, бесшумно и мягко двинулась вверх. Пустячок, а приятно.

Пока я таким вот, очень современным на вид способом возносился на встречу с магом, я решил оглядеться вокруг. Точнее, не вокруг, поскольку справа от меня была только стена, а в принципе глянуть, что же есть в магическом жилище «интересненького», как сказал бы Пашка. Однако, увы, ничего рассмотреть я так и не смог. Казалось, будто помещения затянуло туманом. Хотя никакого тумана там не было и в помине, но взгляду всё равно будто что-то мешало, как если бы в каждом глазу оказалось по крупной соринке. Что, впрочем, совсем не мешало пялиться как на самую лестницу-эскалатор, так и на гладкую белую стену. Что ж, это только доказывало: маг действительно настоящий, если умеет проделывать подобные штучки, и надежда во мне слегка окрепла.

Лестница замерла на третьем этаже. Поначалу я и там ничего не мог рассмотреть из-за ненормального магического тумана, но потом увидел в нем проход — что-то вроде узкого невысокого коридора. Правда, это мне только так казалось, а вернее чувствовалось, что он невысокий и узкий — на самом-то деле ни его стенок, ни потолка я не видел. Это трудно описать словами, так что просто представьте себе коридор, без заморочек. Главное, что я его увидел и пошел по нему, тут уж мне выбирать не приходилось.

Шел я как-то слишком уж долго, по моим прикидкам верхний шар «снеговика» был в диаметре куда меньше того расстояния, что я протопал. Но я решил подобным мелочам не удивляться, тем более этот неопиcуемый туман, дом-«снеговик» и всё такое снова вернули мне в голову мысли о бреде, галлюцинации, коме... Во всяком случае, этот вариант я по-прежнему считал вполне вероятным. Я бы даже сказал, что в тот момент я давал ему столько же, что и вероятности того, что всё это происходило со мной на самом деле. Как говорится, «фифти-фифти».

Поскольку никаких ориентиров вокруг меня не было, а «коридор» всё никак не кончался, мне уже стало казаться, что я топчусь на одном месте. Даже начал подумывать: не повернуть ли назад, к лестнице? Я обернулся, чтобы узнать, видны ли ее перила, но к своему ужасу не увидел вообще ничего; сразу за мной был всё тот же волшебный туман, безо всяких намеком на какой-то проход. Признаюсь, внутри у меня похолодело, и затряслись колени. Но теперь у меня не оставалось никакого выбора, кроме как идти вперед. Правда, идти никуда не пришлось. Лишь только я собрался это сделать, как увидел прямо перед собой неведомо откуда взявшееся большое кожаное кресло черного цвета и услышал знакомый уже голос:

— Садись.

С опаской, но в то же время и с облегчением (колени продолжали подрагивать) я плюхнулся в кресло и тут же увидел перед собой точно такое же, в котором сидел человек в сиреневом плаще до пят. Выглядел он не особо старым, во всяком случае, куда моложе моего дедушки, которому недавно исполнилось семьдесят. Я ожидал, что у мага будет длинная седая борода, но у Зуга (разумеется, это был он, кто еще-то?) отсутствовала не только она, но и волосы вообще, даже брови с ресницами. В остальном же — вполне обычный дядька: слегка вытянутое лицо, прямой нос, тонкие губы, карие глаза. И смотрел он на меня вполне нор-

мально, без особой радости, но уж и точно не сердито. Правда, мне отчего-то подумалось, что видит меня маг насквозь и всё обо мне знает. Так что я решил говорить ему только правду, тем более что от этого зависело мое возвращение домой. Во всяком случае, я очень на это надеялся.

— Здравствуйте, — пробормотал я.

— Здравствуй-здравствуй, Фролтазёр, — с легкой усмешкой ответил маг. — Или можно попросту Фрол?

— Конечно, можно, — поспешно сказал я, отметив про себя, что моя догадка оказалась верной — маг всё про меня знает. — А вас мне как называть?

— Зови меня Мастер Зуг, — уже без тени улыбки ответил маг. И вообще стал очень серьезным, что меня слегка напрягло.

Наверное, по мне это было сильно заметно, потому что Мастер Зуг сказал:

— Бояться меня не нужно, я не собираюсь причинять тебе зла. Ведь ты же не враг Правдивого королевства.

— Нет! Конечно, нет! — поспешно заверил я.

— Я знаю, знаю, — вяло махнул рукой маг. — Я только не знаю, откуда ты к нам прибыл. Не расскажешь?

И я всё ему рассказал. Про Землю, про наш город, про кратер, про дурацкий спор и его удивительное завершение.

Мастер Зуг слушал очень внимательно, ни разу меня не перебив. А когда я замолчал, спросил:

— И давно на вашей Земле этот кратер?

— Никто точно не знает, но очень давно. Ему наверняка не одна тысяча лет, потому что даже в самых древних записях о нашем городе в нем уже говорится как о чем-то очень старом, что было испокон веков. А этим записям самим больше тысячи лет.

— «Лет» — это?.. — поднял маг безволосую бровь.

— Ах, да, — вспомнил я, что в этом мире подсчет времени ведут по брякам. — Лет — это когда несколько, а когда один — это год. А год — это когда наша планета, Земля, облетает один раз вокруг Солнца.

— Солнце — это ваша звезда? — спросил Мастер Зуг, и я радостно закивал, но подумал вдруг: «А откуда он знает про звезды?..» Но спрашивать об этом я всё же не стал. В конце концов, это был маг, а маги на то и маги, чтобы всё знать. Ну почти всё.

— Прости, я зря тебя спросил об этом, — сказал вдруг Зуг. — То, что ты мне поведал, не имеет смысла, поскольку неизвестны ни масса вашей звезды, ни планеты, ни расстояние их друг от друга, а без этого оборот не дает никакого представления о времени. И даже если бы ты знал все эти величины, то мы бы всё равно зашли в тупик с единицами измерения.

— И что же делать?.. — вновь почувствовал я внутри противный холодок.

— Ничего. Что нам это дает по сути?

— Но как же теперь... — пролепетал я.

— Как ты теперь вернешься домой? — вновь усмехнулся маг. — Ты это хотел спросить? Я отчаянно закивал.

— Для этого мне не нужно знать, сколько... э-э... лет вашему кратеру. И как далеко отсюда твоя планета — мне тоже безразлично. Скажу тебе больше: время и расстояние столь условные и относительные величины, что мы ими практически не пользуемся. Но всё же ответь мне, Фрол: неужели тебе так не понравилось у нас, что ты рвешься домой?

— Мне... понравилось... — забормотал я. — У вас красиво... Вот только война...

— Война? — вновь приподнял бровь Мастер Зуг. — Где же ты видел у нас войну?

— Я не видел, но... — Я замолчал. Мне очень не хотелось подставлять пушистиком и дракошек. Но не могли же они мне соврать — они этого попросту не умеют!

— Я кажется понял, — качнул головой Зуг. — Тебе рассказали о войне. Но разве тебе говорили, что она идет и сейчас?

— Вы сами спросили меня, не враг ли я Правдивого королевства! — едва не подпрыгнул я в кресле, вспомнив начало разговора.

— Иметь врагов — еще не значит вести войну.

— Да, но... — Я опять не договорил, потому что понял: это и в самом деле так. А пушистые чудики и крылатые ящерки говорили о войне, но я не смог вспомнить, говорили они о том, что война идет именно сейчас, или только рассказали, что пострадали на войне, а ведь быть она могла давным-давно. Я ведь и в самом деле не видел тут никаких боевых действий.

Мастер Зуг поднял руку.

— Не будем больше о войне, — сказал он. — Давай сделаем вот как... Если ты так этого хочешь, я верну тебя домой. Вернее, я скажу тебе, что нужно сделать, чтобы вернуться. Но ты пообещай мне одну вещь...

— Какую? — отчего-то испугался я.

— Ничего особенного. Просто рассказывай там, у себя, о нашем мире, о Правдивом королевстве, о том, какой он красивый и приветливый. И как ты сюда попал — тоже рассказывай.

— Да кто же мне поверит?! — подскочил я с кресла. — Меня и так все считают фантазером! Ну, если честно, за дело, и всё-таки...

— Поверят, — не дал мне закончить маг. — Я научу тебя одному несложному заклинанию...

Я снова шел по «коридору» сквозь «туман». Мастер Зуг сказал, что так я очень быстро дойду до того дерева, возле которого очнулся в этом мире. По его словам, чтобы вернуться домой, нужно было всего лишь забраться на дерево и спрыгнуть в то место, где я пришел в себя. Ну, не с самой верхушки спрыгнуть, на это у меня всё равно не хватило бы смелости. По словам мага, высоты нижних веток достаточно, а это, насколько я помнил, не очень высоко, примерно как мой рост с поднятыми руками. Вот кто же знал, что вернуться так просто? Не пришлось бы тащиться в Зугар... Но, с другой стороны, а что плохого в этом небольшом путешествии? Пусть я увидел не так уж много, но и этих впечатлений мне хватит до конца жизни! И еще... Если бы я вернулся сразу, то не получил бы от Мастера Зуга тот волшебный дар, от которого у меня до сих пор бегали по коже мурашки. Мне теперь все-все-все будут верить! Что бы я ни говорил, что бы ни напридумывал! Никто больше не назовет меня вруном и фантазёром. Держитесь теперь у меня!

Глава 6

Удивительно, но по этому «коридору», что проложил для меня к дереву Мастер Зуг, я шел куда меньше, чем от лестницы в «снеговике» до места встречи с магом. Хотя там расстояние не могло быть больше двух-трех десятков метров, а путь от города до дерева составлял около полутора километров (если точнее, сто пятьдесят взрослых бронзовых драконов мужского пола). Хотя, чему тут удивляться — магия она и есть магия. Теперь и я обладал ее небольшой, но очень полезной частичкой. Нужные пассы руками и текст заклинания я запомнил накрепко, лучше чем теорему Пифагора. Тем более они были совсем несложными, но такими, что случайно это не сделаешь, разве что будешь нести всякую несвязную чушь и повсякому махать руками тысячу лет, а то и больше. Хотите узнать, что нужно делать? Еще бы вы не хотели. Но я не скажу, вы уж меня извините. Я обещал магу, что ни с кем этим знанием делиться не буду. Он, к тому же, еще и сказал, что если я кому-нибудь открою секрет заклинания, то сам им больше воспользоваться не смогу. А мне это надо?

Но я снова отвлекся на это заклинание, очень уж оно мне нравилось... Между тем «коридор» закончился, «магический туман» развеялся, и я увидел, что стою возле того самого огромного дерева с широченным стволом, рядом с которым я и валялся, пока пушистики использовали мой лоб в качестве барабана. Но теперь разноцветных чудиков со мной не было, как не было и дракошек. Признаюсь, стало даже немножечко грустно: вернусь сейчас домой, а их так никогда больше и не увижу. Даже не попрощаюсь.

А вот с тем, чтобы забраться на толстые нижние ветви дерева, проблем не возникло. Кора на дереве была толстой, покрытой глубокими извилистыми морщинами и трещинами. Забраться по ней мог бы, наверное, и пятилетний ребенок. В общем, с первым этапом своего возвращения я справился элементарно. Перед этим я снял с пояса и надел как положено куртку, а на голову водрузил шапку. Подумал: а вдруг сорвусь, так падать будет мягче. Ну и дома была всё-таки зима.

Как оказалось, сделал я это не напрасно, но совсем по другой причине.

Короче говоря, я забрался на ближнюю к нужному месту ветвь дерева, осторожно, раскинув руки, выпрямился, сделал пару шажков от ствола и прыгнул.

Удара ногами о землю я не почувствовал. Я вообще ничего не почувствовал. Прыжок — и вот меня уже кто-то хлопает по щекам. «Стучать по лбу им, видимо, надоело», — проползла в мозгу ленивая мысль.

— Перестань, Шарик! — не открывая глаз попробовал я оттолкнуть приставучего чудика.

— Он что, бредит? — услышал я взволнованный голос... Сеньки. — Давайте «скорую» вызывать!

— Ну мне и влети-и-ит... — захныкал Пашка.

Я распахнул глаза. Надо мной склонилась Юлька; она, видимо, и хлопала меня перед этим по щекам. Друзей мне видно не было, поэтому я сначала сел, а потом и поднялся на ноги. Сенька и Пашка стояли чуть выше по склону.

— Никаких «скорых»! — выкрикнул я. — Даже не вздумайте. Видите, я жив и здоров.

— А чего лежал, как полено? — буркнул Сенька. — Попугать нас решил? Не смешно, знаешь ли.

— Ну решил человек отдохнуть часок-другой, — пробормотал я, приходя к выводу, что всё же правильной оказалась моя первая версия: я всего лишь вырубился, и Правдивое королевство мне только привиделось. Меня удивило лишь то, почему вызвать «скорую» друзья решились только сейчас, а не сразу, как поняли, что я без сознания. Впрочем, это можно было

объяснить тем, что и озвучил уже Пашка: боялись, что влетит от родителей за поход на кратер. Но в таком случае, это было просто свинством! А что, если бы я за эти пару часов умер? Я уже хотел было высказаться по этому поводу, но Сенька меня опередил.

— Какой часок?! Какой другой?! — завопил он. — Не придуривайся, Фролтазёр! За такие шуточки точно схлопотать можешь.

— Ты валялся минуты две, — подозрительно щурясь, сказала Юлька. — Лучше сразу признавайся, что решил нас напугать. Чтобы мы стали тебя жалеть и забыли про выигрыш.

— Про какой... — начал я, но тут в голове будто что-то щелкнуло, и я вспомнил всё, что было до моего путешествия в Правдивое королевство... В смысле, до моей красочной и длительной галлюцинации, которая на самом деле, оказывается, уложилась всего в две минуты. Я поднял руки: — Спокойно, без паники. Я не собирался никого пугать. Я вырубился на самом деле, даже глюк словить успел. Но сейчас со мной всё в порядке, спасибо за беспокойство.

Сенька, Пашка и Юлька перекинулись хмурыми взглядами. Похоже, они мне не верили. «Эх, — подумал я, — вот бы мой „сон“ был правдой, и настоящий маг научил меня настоящему заклинанию! Увы, придется выкручиваться самому».

Вспомнив о «приснившемся» заклинании, которое я помнил на удивление хорошо, я просто ради хохмы сделал нужные пассы руками, произнес «магическую» фразу и отчетливо сказал:

— Я на самом деле потерял сознание и очнулся, лишь когда Юла стала бить меня по щекам.

— Бить!.. — фыркнула Юлька. — Ты еще не знаешь, как я бью. Это было так — нежное поглаживание.

Сенька с Пашкой захихикали, а я так и не понял: они мне что, и правда поверили? Заклинание сработало?.. Да нет же, глупости. Если даже и поверили, то просто поверили — и всё. Тем более, я так серьезно об этом сказал. Да и не факт еще, что поверили. Может, на всякий случай проверить «заклинание» на чем-то другом?

Ничего придумывать мне даже не пришлось. Юлька снова прищурилась и наставила на меня палец.

— То, что ты вырубался, не освобождает тебя от уплаты долга. Гони шоколадку!

— И нам! — дуэтом пискнули Сенька и Пашка, сразу напомнив мне Шарика с Кругляком.

Ага, вот и возможность поэкспериментировать. На друзьях это делать, конечно, некрасиво, но, во-первых, я всё равно не верил, что сработает «приснившееся заклинание», а во-вторых, ничего страшного я с ними вытворять не собирался.

Сначала я спросил безо всякого заклинания:

— А с чего вдруг я вам должен шоколадки? Я же летал. Пусть невысоко и недолго, но всё равно ведь летел — не шел, не полз и не ехал. Будете спорить?

— Будем, — ответила за всех Юлька. — Мы договорились, что ты пролетишь до того склона кратера. Так что или лети, или расплачивайся. Нечего нам тут мозги пудрить.

Вот теперь я сотворил заклинание и возмущенно сказал:

— Ни о чем подобном мы не договаривались! Я лишь сказал, что могу полететь, и я это выполнил!

Юлька нахмурилась.

— Но я ведь помню, что раскусила тебя и хотела поставить такое условие...

— Хотела, да не успела, — развел я руками, чувствуя, как начинают закипать от недомыслия мозги.

— Семен, Павел, — обернулась к мальчишкам растерянная Юла, — я что, и правда этого не говорила?

— Не говорила, — буркнул Сенька. — А могла бы и сказать. Теперь из-за этого хитрого жука мы и сами без шоколадок остались, да еще и ему их должны.

— Формально Фролтазёр прав, — вздохнул Пашка. — Он летал, хоть и немного. Правда, так и я умею. Но надо было тебе, Юля, и в самом деле вовремя раскусить его хитрость.

— А мы тоже тогда на хитрость пойдем! — заулыбался Сенька. — Мы купим ему самые маленькие шоколадочки! Насчет размера уговора не было.

— Да не нужны мне ваши шоколадки! — отмахнулся я.

Мне и в самом деле было совсем не до шоколада. Заклинание сработало, а это значило... Это значило, что я действительно побывал в Правдивом королевстве и встретился с магом.

Вот теперь я, как говорится, завис. Всё, что случилось со мной, было по правде! Но если я расскажу кому-нибудь эту правду, то лишь подтвержу свое прозвище — Фролтазёр. Да, конечно, я мог воспользоваться заклинанием; собственно, именно для этого случая Мастер Зуг мне его и дал. Но мне почему-то очень-очень не хотелось подтверждать правду заклинанием. Выдумку, фантазию, да что там, откровенное вранье — это пожалуйста, здесь бы я мог разгуляться. Но правду!.. Мне это казалось нечестным, неправильным. Правда не должна нуждаться в обмане! В общем, как-то так; что-то подобное этим мыслям толкалось и мельтешило в моей голове. И еще... Допустим я сотворю заклинание и расскажу кому-то о Правдивом королевстве. Этот кто-то мне поверит. А что потом? Он побежит делиться такой удивительной новостью с друзьями и знакомыми, те начнут его осмеивать, он отправит их ко мне, я «заклян» их, побегут по знакомым они... Это же получится снежный ком! Я просто нутром чувствовал, что до добра подобное не доведет. Слухи дойдут до полиции, или еще куда покруче... И что мне, читать заклинания полицейским? Нет уж, спасибо, что-то не очень хочется.

Хорошо, а как быть с друзьями? Рассказывать им, что со мной на самом деле случилось, или всю жизнь молчать, нося в себе эту невероятную тайну?.. Да меня же просто разорвет от подобной пытки: знать *такое* — и не поделиться! Но и рассказать — в очередной раз выставить себя посмешищем. Всё-таки воспользоваться заклинанием? Нет, нет и еще раз нет! Эх, что мне стоило взять из Правдивого королевства хоть что-нибудь, хотя бы простую зеленую веточку с дерева! Здесь, зимой, она стала бы лучшим доказательством моему рассказу. Пусть бы друзья не поверили в пушистиков, в дракошек, в мага, но всё же они не смогли бы отрицать, что я где-то побывал.

Стоп!.. А кто заставляет меня использовать заклинание для того, чтобы «оправдopodobить» и без того правдивый рассказ? Ведь и само по себе оно может стать доказательством, той самой зеленой веточкой среди зимы.

Наверное, все эти переживания прекрасно читались на моем лице. Друзья, включая Юльку, удивленно замерли, не отрывая от него глаз. Первым не выдержал самый пугливый — Пашка.

— Фрол, ты чего? — тихо спросил он. Уже то, что он назвал меня настоящим именем, а не прозвищем, говорило о том, что мальчишка и впрямь испугался.

— Колись, — отрезала мои сомнения Юлька.

И я «раскололся».

Я рассказал всё. Меня выслушали молча, это уже хорошо. Только Сенька во время рассказа то и дело ухмылялся, зато Пашка как разинул рот в самом начале, так его и не закрывал. По Юльке ничего было не понять, она выглядела угрюмой, будто слушала скучный урок.

Стоило мне замолчать, Сенька и Пашка высказались одновременно.

— Вот это да! — выдохнул Пашка.

— Растешь, — хмыкнул Сенька.

— Что значит «растешь»? — насупился я.

— Это значит, что ты стал очень интересно врать, хоть записывай за тобой.

— Я не врал! — возмутился я, хоть и ожидал от друзей подобной реакции. — Я рассказал всё, что было на самом деле.

— Похоже на правду, — сказала вдруг всё еще угрюмая Юлька.

— Что-о?.. — вылупился на нее Сенька. — Да большего бреда я еще в жизни не слышал!

— Это не бред, — мотнула головой Юла. — Всё слишком последовательно и связно. И слишком подробно в деталях. Сочинить на ходу такую логичную и масштабную историю Фрол бы не смог, где-нибудь бы да сбился, что-то бы да напутал, какую-нибудь чушь бы да спорол.

— А он, по-твоему, не спорол? — не отступал Сенька. — Говорящие шарики-бобики, микродраконы, дырка в небе... Да один только маг чего стоит!

— Кстати, о маге, — поспешно влез я в эту тираду. — Я вас обманул.

— Кто бы сомневался! — с торжествующим видом посмотрел на Юлу Сенька. Та еще сильнее нахмурилась.

— Да нет же, — раздраженно махнул я рукой. — Я не насчет Правдивого королевства обманул, а насчет шоколадок.

— Ты применил заклинание? — прищурилась Юлька. — Я всё-таки говорила, что ты должен пролететь через весь кратер?

Я кивнул, восторгаясь соображалкой этой девчонки. А вот Сенька с Пашкой, похоже, так ничего и не поняли — смотрели то на меня, то на Юльку, и моргали.

— Не понял... — наконец выдал Сенька.

— Что тут непонятного? Вы победили в споре. Я должен вам по шоколадке.

У меня появилась идея.

— Давайте я докажу вам, что заклинание действует? А если оно действует, значит, маг существует. То есть я на самом деле побывал у него в Правдивом королевстве.

— Ну давай! — Пашкины глаза так и засветились в ожидании чудес.

— Что ты задумал? — спросила Юлька. Выглядела она по-прежнему недовольной.

— Очень простой эксперимент, — улыбнулся я. — Вы пишете — ну вот прямо на снегу даже — название нашего естественного спутника. Надеюсь, все знают, что это Луна? Так вот, каждый из вас пишет на снегу «Луна», и все поворачиваются ко мне. А я сотворю заклинание и скажу, что наш естественный спутник называется как-нибудь по-другому. Потом спрашиваю это у вас, потом говорю, чтобы вы обернулись и прочитали, что...

— Глупости! — перебила меня Юла. — Это совершенно лишнее. И всё равно не полностью убедительно. Ты, например, мог где-то научиться гипнозу.

— Ну а что тогда?

— Сам не догадываешься?

— Нет, — честно признался я.

— Мы все разбегаемся по склону и прыгаем в снег.

Я разинул рот. И снова поразился Юлькиной сообразительности. Но еще больше разочлился на себя, ведь такое доказательство моей правдивости было не только абсолютно убедительным — оно просто само собой напрашивалось!

— И... я?.. — побледнел вдруг Пашка.

— Никто никого не заставляет, — сказала Юла, привычно взяв на себя роль командира. — Я могу прыгнуть одна. Надеюсь, вы мне поверите, когда я вернусь? Могу принести вам цветочек.

— Не, я тоже с тобой! — засуетился Сенька. — А вдруг там правда драконы? Пусть и маленькие. Я люблю про драконов читать.

— Я тоже люблю, — пробормотал Пашка. — Но я... боюсь.

— Оставайся, — сказал я. — А вот про меня не забудьте. Буду вашим... этим... как его?.. гидом.

— Тогда и я пойду, — вздохнул Пашка. — Одному мне здесь тоже страшно оставаться.

— Так мы же вернемся в тот же миг, — сказал я. — Я-то ведь сразу вернулся... — Тут я призадумался. — А ведь и правда интересно получается: в том мире я пробыл часа два, не меньше, а здесь, похоже, они вообще не учлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.